

А.М. СУНГУРСКИЙ

ПОКА НАС ДЕРЖИТ ВОЗДУХ

А.М. Сунгурский

Пока нас держит воздух

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Пока нас держит воздух / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Петербург, 1911 год. Вместо денег по старому долгу механику Степану Лутову привозят разбитый аэроплан. Чтобы машина снова поднялась в воздух, придётся потратить сбережения, найти пилота и привыкнуть к тому, что решающее слово иногда принадлежит ветру. Елизавета Ранцева умеет собирать публику и мечтает открыть собственную контору. Вместе они превращают старый «Блерио» в настоящее дело — и всё чаще остаются рядом, когда зрители уже разошлись. Но на аэродроме появляется новая, более мощная машина. У наёмного авиатора свои желания, у Елизаветы своя работа, а Степан всё сильнее хочет сам занять единственное сиденье. До состязания за точность посадки остаётся одно лето. Опытный механик становится неловким учеником, которому предстоит выдержать соперничество и научиться возвращаться к тем, кто ждёт его на земле.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Деньги на полозьях	5
Глава 2. Чего стоит дерево	10
Глава 3. Женщина с афишей	15
Глава 4. Человек для одного места	20
Глава 5. Когда колёса не нужны	26
Глава 6. Первый билет	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

А.М. Сунгурский

Пока нас держит воздух

Глава 1. Деньги на полозьях

Весь двор собрался посмотреть, как Степану Лутову возвращают деньги. Деньги привезли на двух санных подводах.

На первой лежало крыло аэроплана, похожее на огромную выломанную ставню. Через разодранное полотно торчали тонкие деревянные рёбра; второе крыло, целое с виду, было привязано под ним. На другой подводе стояло туловище машины с колёсами, хвостом и мотором. Возчик остановил лошадь у ворот и стал ждать, пока Степан сам догадается, что ему делать с этим добром.

— Назад, — сказал Степан.

— Назад дорого, — ответил возчик. — Меня в одну сторону наняли.

Был конец февраля 1911 года. С утра Петербург заваливало снегом, но теперь снежинки сделались мелкими, колючими и летели почти вдоль земли. У ворот мастерской женщины из соседней прачечной прикрывали лица платками. Дворник Силин вылез из своей каморки в одном валенке: второй, подшитый, он нёс в руке. Даже приказчик из мучной лавки оставил покупателей и высунулся из двери.

Только Маркел Усов, которому всё это принадлежало, задерживался.

Степан стоял возле первой подводы, сунув руки под фартук. Утром он надеялся получить шестьсот восемьдесят рублей за ремонт двух лодочных моторов. За один уже расплатился с помощниками из собственных денег; второй заказ занимал станок пол-осени. Усов обещал деньги к Рождеству, потом к Крещению, потом сообщил, что скоро приедет лично. И приехал — вернее, прислал вперёд имущество, которое Степан ни разу не просил.

— Хозяин где?

Возчик кивнул в сторону улицы. Степан вышел за ворота и увидел Усова у извозничьих саней. Тот расплачивался мелочью, пересчитывая её на ладони в перчатке. Степан подождал. Ему хотелось, чтобы Усов посмотрел на него сам.

— Ах, Степан Кириллович! — обрадовался наконец должник. — Уже подали?

— Почти в окно.

— Я велел осторожно. Вещь чрезвычайная.

Усов пришёл без прежней меховой шапки. На нём была круглая барашковая, сидевшая высоко и оставлявшая уши открытыми. Над одним ухом торчал жёлтый листочек, который он вытащил на ходу: квитанция за провоз. Степан помнил, как ещё летом этот человек рассказывал о скором открытии загородного увеселительного сада. В саду должны были одновременно играть три оркестра. Уже тогда стоило спросить, как публика будет различать музыку.

— Где деньги, Маркел?

— Да перед вами же.

Степан повернулся к подводам. Возчик, воспользовавшись его отсутствием, втянул первую лошадь во двор. Крыло прошло в воротах боком; Силин придержал его своим валенком, чтобы не задеть кирпич. Прачки ахнули с таким удовольствием, будто машина уже взлетела.

— Не разгружать! — крикнул Степан.

Усов взял его за рукав.

— У меня другого нет.

Это было сказано негромко, без прежнего приглашения восхититься. Степан высвободил рукав, но не ушёл.

— А два исправных мотора у вас есть.

— Уже нет. Их забрал Павловский. С лодками. Я вам говорил, дела мои...

— Вы мне говорили про вторник.

Усов глянул через его плечо. В дверях мастерской появился Филипп, натягивавший на ходу куртку. Десять лет, нос красный от тепла, на подбородке чёрная полоса: опять вытерся рукой после работы. Увидев крыло, он перестал застёгиваться.

— Это нам?

— Нет, — сказал Степан.

— Это вам, — одновременно сказал Усов.

Филипп перевёл взгляд с одного на другого и выбрал того, чей ответ понравился больше.

— А мотор настоящий?

— Пойдёмте внутрь, — сказал Степан Усову.

В мастерской было тесно даже без аэроплана. У окна стоял разобранный насос, за ним — станок, дальше, под длинной полкой, два велосипеда и ящик с деталями молочной машины. Над печью сохли рабочие рукавицы. Усов остановился возле них, подставил руки теплу, потом вдруг посмотрел на стул. Степан не предложил сесть.

— Куплен в прошлом году, — начал должник. — Французский. «Блерио». Не кустарщина. Аппарат, можно сказать, прославленный.

— Этот чем прославился?

— Я о системе. На таком через море перелетели.

— Этот через что перелетел?

Усов поморщился.

— Через канаву не перелетел. На спуске. Но авиатор цел. Только ногу подвернул.

— А кто смотрел мотор?

— Человек сведущий.

— Фамилия?

Усов потянулся к внутреннему карману, достал бумажник и несколько сложенных листов. Бумаги выпирали из его рук. Степан подвинул свободный ящик, чтобы было куда их положить. Должник принял этот жест за начало согласия и заговорил быстрее.

Он покупал машину для показов. Собирался возить её из города в город, платить авиатору, продавать места у ограждения. Один показ состоялся, другой отменили, после третьего пришлось собирать людей, чтобы вытащить аппарат из канавы. Перевезли в сарай; за сарай тоже набежало. Усов рассчитывал поправить дела весной, но весна, по его словам, шла слишком медленно, а кредиторы слишком быстро.

Степан просмотрел купчую, счёт за перевозку, письма прежнего владельца. Фамилия Усова в бумагах была та самая. В счёте значилась сумма, от которой он непроизвольно поднял глаза.

— Столько отдали?

— Вот именно.

— А мне шестьсот восемьдесят не нашли.

Усов убрал руки от печи.

— Я тогда думал, что заработаю.

За дверью что-то громко закрипело. Степан вышел и увидел, что Филипп уже стоит на подводе, придерживая край крыла. Он откинул брезент и смотрел внутрь, не касаясь сломанных рёбер.

— Я только посмотреть.

— Слезь.

Филипп спрыгнул, но остался рядом. Возчик перетаптывался, снег таял у него на усах. Степан подошёл к мотору.

Три цилиндра расходились веером над тяжёлым металлическим картером. Нижняя часть была забрызгана засохшей грязью; на одном ребре охлаждения не хватало кусочка. Винт сняли и примотали вдоль рамы. Одна его лопасть была обломана так, что возле конца торчали длинные щепы. Степан не стал трогать винт. Нагнулся к креплениям, потом выпрямился и попросил Филиппа принести лампу.

— Сейчас?

— Нет, летом. Когда снег сойдёт.

Филипп бросился в мастерскую. Усов подошёл, уже не объясняя достоинств своей покупки. Степан оглядел деревянную раму. Места, где она держала двигатель, заслуживали долгого осмотра при хорошем свете. Снизу была сомнительная вмятина; дальше, под сиденьем, виднелась трещина в дереве. По дороге в неё набился снег.

Он ничего не сказал.

— Ну? — спросил Усов.

— Что — ну?

— Вы видите, что вещь.

— Я вижу трещину.

Должник затих. Филипп принёс лампу, прикрыл стекло от ветра ладонью. Степан велел держать ниже. Свет лёг на металл; сквозь тонкую плёнку грязи проступило выдавленное имя изготовителя.

Мотор был ему незнаком. Лутов чинил автомобильные и лодочные, видел всякие способы заставить железо двигаться, но эти три цилиндра, вынесенные в воздух, казались почти непристойно открытыми. Усову, должно быть, представлялось, что Степан сейчас оценивает цену. На самом деле он пытался понять, как расположены клапаны и где проходит подача масла.

— Сможете? — спросил Филипп.

— Что?

— Починить.

— Сначала разберу.

— Тогда разгружаем? — немедленно оживился Усов.

Степан повернулся к нему.

— Сначала разберу, — повторил он. — Это разные слова.

Ближе к вечеру аппарат всё-таки оказался в мастерской.

Прежде пришлось вывести оба велосипеда, переставить насос и снять с нижней полки ящики. Потом обнаружилось, что шасси с колёсами не проходит между дверными косяками. Степан позвал столяра, снимавшего помещение через двор; тот пришёл, посмотрел на ворота и предложил вынести из мастерской саму стену. Его не послушали. Сняли одно колесо и, подхватив раму, наклонили её набок, чтобы пройти в проём. Степан держал вместе с остальными, тяжесть ложилась на бедро, а из-за его спины Филипп, направляя, всё время просил ещё немножко повернуть.

— Ты сам немножко повернись, — пыхтел столяр.

— У меня крыло!

— Вижу, что не хвост.

Усов помогал. На его рукав попало масло, шапка съехала набок. Когда рама наконец встала на подпорки, он отошёл и долго отдувался, уже совершенно не похожий на человека, который привёз сюда большое богатство.

Крылья поставили вдоль стены на мягкие прокладки. Целое снаружи тоже предстояло раскрыть и осмотреть. Силин принёс свой второй валенок, который забыли во дворе, и задержался на пороге.

— А где у него другое место?

— Какое? — спросил Филипп.

— Для пассажира.

— Нету.

Силин ещё раз оглядел машину.

— Столько возни из-за одного человека.

Он ушёл с таким видом, будто теперь окончательно понял, почему подобные занятия не могли принести Усову пользы.

Степан вернулся к столу. На листе, который они с Усовым составили перед разгрузкой, было записано, что аэроплан пока оставлен для осмотра. Долговая расписка лежала у Степана; возвращать её он не собирался. Если обнаружится негодный мотор или чужое притязание на машину, Усов заберёт своё имущество и будет искать другой способ рассчитаться. На осмотр условились о трёх днях. За обратную перевозку тоже ответит Усов.

— Где я возьму? — спросил тот, прочитав последнюю строку.

— Так же, как на эту взяли.

— На эту дали.

— Ещё попросите.

Усов усмехнулся и стал искать карандаш, лежавший перед ним на столе. Степан подал его. Пока должник подписывал лист, Лутов заметил, до чего дрожат у него пальцы. Не от холода: в мастерской давно натопили.

— Чаю хотите?

Усов поднял глаза.

— Если можно.

Сели втроем, потому что Филипп счёл чай общей наградой за переноску. Степан достал хлеб и вчерашнюю ветчину. Усов ел осторожно, откусывая совсем мало, но без перерыва, пока Степан не подвинул к нему блюдо целиком.

— А тот авиатор? — спросил он.

— Какой?

— Который канаву нашёл. Он где?

— Уехал. У него в Варшаве предложение. Мне писал, что нога уже позволяет.

— Жалко.

Усов посмотрел с надеждой.

— Хотели бы поговорить?

— Он видел, как ломалось. Это полезнее, чем ваши письма про отличное состояние.

— Дам адрес. Только он не виноват, Степан Кириллович. Там место... Я сам велел с того края заходить. Публике, думал, будет лучше видно.

Лутов перестал наливать чай.

— Кто велел?

— Ну, предложил. Что я понимаю? Он же мог не согласиться.

Филипп отложил хлеб. Усов заметил его взгляд, нахмурился, словно мальчишка получил право судить о вещах, которых сам не пробовал.

— Ветер был, — добавил он. — И публика полезла. Я ведь теперь точно не скажу.

Степан дописал на отдельном листке: «Место. Ветер. Свидетели». Положил к бумагам. Он не знал, пригодится ли ему вообще этот рассказ, но счёл, что должен услышать его не только от человека, задолжавшего ему деньги.

После чая Усов собрался уходить. На пороге обернулся.

— Если возьмёте... Вы же его не на железо?

— Пока не решил.

— Такой аппарат. Я, когда первый раз увидел, как он от земли... — Усов махнул рукой, сердясь на себя. — Впрочем, ваше дело.

Степан проводил его взглядом через двор. У ворот должник остановился, полез в карман и достал маленький свёрток. Позвал Филиппа. Оказалось, привёз две запасные свечи, но забыл отдать. Завёрнуты они были в прошлогоднюю афишу. На размокшем сгибе ещё можно было разобрать нарисованную женщину с веером.

Лутов вернулся к аппарату.

В тёплом помещении от снега под ним натекла лужа. Он подставил таз, чтобы вода не добралась до ящика с инструментами, и зажёл вторую лампу. Теперь машина была видна иначе: без белых ключев на расчалках, без толпы и лошади перед ней. Лёгкая, тесная, сломанная. Степан провёл пальцем по уцелевшей стойке. Дерево оставалось гладким там, куда не попало железо при ударе.

— Домой иди, — сказал он Филиппу.

— Я крыло ещё оботру.

— Завтра.

Помощник помедлил.

— Вы возьмёте?

— Три дня есть.

— А если починить... кто полетит?

Степан взглянул на единственное сиденье. У него ещё не было ни целого винта, ни проверенного мотора, ни права назвать эту грудку своей. Филипп уже перескочил через всё, что придётся сделать руками, и спрашивал о человеке в воздухе.

— Наймём, — ответил Степан.

Сказал — и услышал собственное «мы».

Филипп улыбнулся, застегнул куртку и вышел. Лутов дождался, пока захлопнутся ворота, потом подвинул к мотору табурет. Снял фартук, снова надел, потому что без него было холодно груди, и только тогда взялся за работу.

Глава 2. Чего стоит дерево

На следующее утро Филипп принёс в мастерскую пирог. Лежал он в чистой тряпице поверх рабочего фартука, и Степан сперва решил, что у помощника именины.

— Мать передала, — сказал Филипп. — С капустой.

— За что?

— Просто.

Степан развернул тряпицу. На верхней корке было вылеплено нечто с двумя длинными отростками, похожее на жука. Он посмотрел на Филиппа.

— Сказал, что мы купили?

— Что привезли. Покупать ведь не покупали.

— А что будем летать, сказал?

— Я сказал, вы осматриваете.

Помощник говорил с таким тцанием, что дальнейшие вопросы сделались излишними. Степан отрезал ему большой кусок и велел сперва закончить насос. Тот нахмурился, но подчинился. Хозяин остался возле разобранного мотора один.

За ночь машина утратила почти всю вчерашнюю цельность. Степан снял повреждённую обшивку с нижней части рамы, раскрыл несколько креплений, вычистил грязь. Утром при свете окна трещина под сиденьем оказалась длиннее, чем представлялось с лампой. На краю одного отверстия дерево было смято. Рядом виднелся тёмный след, словно одна деталь долго тёрлась о другую. Как именно пошёл удар, Степан пока не понимал.

Он позвал столяра.

Иван Савельевич Юдин пришёл с кружкой, потому что его оторвали от чая. На нём был длинный жилет с заплатой; из кармана торчал сложенный плотницкий метр. Вчера Юдин помогал вносить аэроплан и всё ещё был уверен, что это чрезвычайно неудобный вид долга.

— Тут поменять, — сказал Степан, показывая повреждение. — И эту связь. Сделаете?

Столяр наклонился. Поставил кружку на пол, ощупал дерево, потом попросил подать лампу, хотя за окном давно рассвело. Посмотрел против света, заглянул с другой стороны. Степан ждал.

— Сделать-то сделаю. Из чего?

— Найдём.

— Из чего найдём, из того и будет.

Он выпрямился и потёр ладони. За перегородкой Филипп качнул рукоять насоса; вода шлёпнула в ведро. Юдин поднял кружку, сделал глоток.

— Хороший яшень у меня есть. Для стульев. Но я его в небо не продавал.

— Я и не прошу вас в небо. Деталь нужна.

— А мне надо знать, как она работает, Степан Кириллович. У стула всё просто: сверху сели, снизу пол. Тут куда тянет?

Лутов показал расчалки. Пока объяснял, заметил на лице соседа то знакомое терпение, с которым сам слушал владельца сломанного насоса, уверявшего, что внутри всего одна маленькая неприятность. Степан замолчал.

— Найдю чертёж, — сказал он.

— Вот. И человека, который уже делал. Я резать умею, мне учиться не стыдно.

Юдин взял с полки обломок, оставшийся после вчерашнего осмотра, и попросил разрешения унести. Степан разрешил. Сосед ушёл, держа дерево так же осторожно, как полную кружку. Уже у двери повернулся:

— Крыло у тебя тоже не мебель. С ним сперва разберись.

Филипп дождался, пока дверь закроется.

— Он испугался?

— Он спросил, — ответил Степан. — Ты насос закончил?

Из ведра тотчас послышалось усердное бульканье.

Усов явился в полдень. Принёс обещанный адрес и письмо, которое прежде не показывал. Пилота звали Гавриил Ивашкевич; адрес был варшавский, гостиничный, со старательно выведенным номером комнаты. Степан прочёл письмо стоя. В нём было мало о полёте и много о деньгах. В конце Ивашкевич сообщал, что разбитый винт нельзя оставлять на аппарате ни для каких проб и что раму надо показать человеку, знакомому с этой системой. Под последней строкой стояло ещё одно имя и петербургский адрес мастерской.

— Отчего вчера не дали?

Усов посмотрел на лист.

— Не подумал.

— Тут же написано, куда обратиться.

— Так я обращался. Дорого попросили.

Лутов медленно сложил письмо.

— А вы решили ко мне.

Усов кивнул, не сразу поняв, что вопроса не было. Потом стал объяснять, что у Степана золотые руки, что иной инженер только возьмёт за имя, что такие аппараты везде чинят сами. Степан слушал вполуха. Ему хотелось выгнать должника вместе с его самолётом, чтобы мастерская снова сделалась прежней: на месте колеса стоял насос, под стеной — велосипеды, ни за что не приходилось отвечать выше человеческого роста.

— Отвезёте меня, — сказал он.

— Куда?

— По этому адресу. И там сами всё расскажете.

— Сейчас?

— За деньгами вы ведь сейчас приехали бы?

Усов оглянулся на дверь, как будто снаружи его мог ждать иной, менее требовательный кредитор, но всё-таки пошёл одеваться.

Домой к сестре Степан попал поздно вечером. На лестнице пахло жареным луком. Дверь отворил племянник, семилетний Митя, и сразу спросил, правда ли у дяди теперь есть крылья.

— Кто сказал?

— Мама.

Из кухни донеслось:

— Я сказала: аэроплан. Вытри ноги, Стёпа.

Митя пятился перед ним до самой комнаты. На ребёнке были новые башмаки, которые при каждом шаге издавали жалобный писк. Мальчик прислушивался к нему с удовольствием и старался ставить ноги на те половицы, которые тоже скрипели. Степан снял пальто, повесил на крюк. Из кармана вывалился бумажный пакет с пряниками.

Митя поднял его с такой быстротой, будто всю жизнь только и ждал падения этого пакета.

— Маме, — сказал Степан.

— Я отнесу.

В комнате было тепло. На круглом столе лежала недошитая детская рубашка, возле окна стоял велосипед зятя, а на стуле — швейная машина. Степан, увидев её, остановился.

— Опять?

— Это другая, соседская, — сказала Александра. — Я предупредила, что ты нынче занят. Только и у неё дети есть, им рубахи нужны.

Она вытерла руки полотенцем и поцеловала брата в щёку. Александра была старше его на четыре года, однако с тех пор, как умерла мать, разница между ними словно всё увеличивалась. Степан любил сестру и иногда злился на неё ещё до первой фразы: слишком легко она находила в его взрослой жизни прежнего мальчика из Колпина, который мог забыть про обед, разбирая чужой будильник.

— Поесть дашь? — спросил он.

— За столом и узнаешь.

Её муж, конторщик Алексей Мелехов, вернулся, когда Степан уже доедал суп. Прежде чем разуться, Алексей присел у порога и выслушал целую Митину речь о башмаках. Потом осторожно нажал пальцами на носок одного, велел сыну пошевелить пальцами и кивнул жене. Башмаки покупали без него, и Александра почему-то ждала этого кивка с особым вниманием.

— Вам известия уже привезли? — спросил Степан.

— Про летающий сарай? — Алексей повесил пальто. — Заходил твой Филипп. Хотел занять у Мити книжку с картинками. Митя решил, что будет учить его летать.

Мальчик, сидевший на краю дивана, выпрямился.

— Там всё нарисовано.

— Особенно облака, — сказал отец. — Без них у тебя не выйдет, Степан.

Лутов улыбнулся, но к швейной машине подошёл раньше, чем поставили чай. Александра запротестовала, затем сама придвинула лампу. Он снял крышку, попросил чистую тряпку. Машину заклинило от набившейся под пластину нитки; серьёзной беды не было. Митя встал рядом и смотрел, поджав губы, — точь-в-точь как отец, когда рассматривал новые башмаки.

— А там тоже нитка? — спросил он.

— Где?

— В аэроплане.

— Там побольше.

— Целый клубок?

Степан рассмеялся, и сестра, возвращавшаяся с чайником, остановилась в дверях. Он поймал её взгляд, сразу перестал улыбаться и принялся устанавливать крышку.

После чая Алексей увёл Митю умыться. Александра собрала чашки, но Степанову оставила: он пил медленно, держал ладони вокруг горячего фарфора.

— Сколько своих положишь? — спросила она.

— Пока не знаю.

— Хоть примерно.

Степан мог бы назвать одну из сумм, которые за эти два дня успел написать на обороте счёта. Отдельно мотор, отдельно дерево, полотно и работа, отдельно новый винт. Получалось всякий раз по-разному. Ему даже нравилось, что точного числа пока нет: при удаче каждую строчку можно было уменьшить.

— Много, — сказал он.

Александра кивнула. Она не принялась перечислять, что можно купить на эти деньги. Подошла к комоду, открыла верхний ящик, отодвинула несколько вещей. Степан поставил чашку.

— Саша, мне не надо.

— А я тебе и не даю.

Она вынула его старый шарф. Тёмно-синий, с аккуратным заштопанным концом; Степан оставил его ещё осенью, когда погода внезапно потеплела.

— Забери. Вчера у тебя горло голое было, Филипп сказал.

— У него рот никогда не закрывается.

— Он тобой гордится, дурак.

Она положила шарф рядом с чашкой. Сама села напротив, подцепила ногтем маленькую нитку на скатерти. Степан не сразу заметил, что сестра выбирает слова. Обычно такого с ней не случалось.

— У меня просьба. Мите пока не обещай, что поднимешь его с собой.

— Там одно место.

— Вот и скажи ему. Он уже чемодан собирает.

В соседней комнате мальчик как раз спорил с отцом, можно ли спать в башмаках, если подстелить газету. Степан посмотрел на дверь. При одной мысли о Мите, сидящем среди тонких деревянных связей над землёй, под ложечкой неприятно потянуло. Он хотел заверить сестру, что вообще не собирается никуда подниматься. Вместо этого сказал:

— Машину сперва сделать надо.

— Сделаешь. Если уж взялся, сделаешь.

Почему-то именно от её уверенности стало трудно допить чай.

На следующее утро, в последний из трёх условленных дней, пришёл человек из той мастерской, куда они ездили с Усовым. Невысокий, с рыжими усами, в хорошем пальто, которое он снял без напоминания и повесил подальше от печи. Назвался Семёном Осиповичем. Степан фамилию уже знал из письма — Гинзбург, — но гость произнёс только имя и отчество, словно их было вполне достаточно, чтобы начать дело.

Он привёз длинную деревянную линейку в чехле, небольшой свёрток инструментов и очень мало почтения к чужому трудолюбию.

— Вот это зря раскрыли, — сказал он почти сразу. — Мне бы посмотреть, как было.

Степан показал снятые куски, разложенные по порядку. Гинзбург кивнул, но похвалы не последовало. Осмотр занял больше двух часов. Филипп стоял рядом с карандашом; поначалу записывал каждое слово, потом растерялся и попросил повторить. Гость повторил без раздражения и наконец предложил сначала смотреть, а записывать после.

Лутов всё время замечал, как мало вопросов задаёт этот человек о двигателе. Тот уже был частично разобран; самые важные металлические детали Степан отвозил в мастерскую накануне, и Гинзбург привёз их обратно. С ними не нашлось того непоправимого, чего Лутов боялся. Зато к дереву, углам, соединениям и полотну гость возвращался снова и снова.

— Работу мотора ещё услышать надо, — сказал Степан.

— Услышим. А пока он молчит, займёмся тем, что и в полёте молчать будет.

Он позвал Юдина. Столяр принёс вчерашний обломок и два куска ясеня. Они спорили над ними долго, короткими словами, которые Филипп вообще не пытался заносить на бумагу. Одну заготовку Гинзбург сразу отложил. Юдин покрутил её у окна, помолчал и отнёс назад.

К полудню на столе лежал лист с подробным перечнем. Новый винт. Две длинные части рамы, несколько соединений, часть крыла. Проверка второго крыла, новые участки полотна, замена повреждённых креплений. Сумма возле винта была подчёркнута дважды. Степан ткнул в неё пальцем.

— Здесь дешевле никак?

— Дешевле — не ставить.

— Сделать по образцу?

Гинзбург посмотрел на обломанную лопасть, стоявшую у стены.

— Этот образец свою работу закончил. Заказывайте подходящий новый. Где — напишу.

Гость не пытался продать им всё у себя. Два адреса в списке принадлежали другим мастерским. Лутов оценил это больше, чем прежнюю резкость. Спросил, согласится ли Семён Осипович прийти, когда они соберут раму. Тот назвал день, потом прибавил:

— Позовите до полотна. И не затягивайте всё по своему разумению прежде, чем выверим. Степан проводил его и вернулся к столу. Филипп стоял возле листа. Руки у него были чисто вымыты — слишком чисто для полудня.

— Ну?

— Я насос отдал. Велосипед тоже готов, хозяин к вечеру будет.

— Молодец.

Филипп покраснел и тотчас сунул руки в карманы.

— Мы берём?

— Я беру.

Это прозвучало суровее, чем Степан хотел. Он ещё раз посмотрел на сумму, затем достал из шкафа жестяную коробку. В ней лежали деньги на железо, наём, аренду и на тот новый станок, покупку которого он уже второй год откладывал. На станок оставалось меньше всего, но именно его Степану вдруг стало жалко с почти детской остротой. Аэроплан он видел три дня. Станок выбирал два года.

Филипп отвернулся к окну.

— Твоя плата лежит отдельно, — сказал Степан.

— Я не про это.

— А я про это. Остальное моё дело.

Помощник покивал, словно хозяин объяснил ему нечто очевидное, и вышел во двор. Через минуту оттуда послышался голос Силина, ругавшегося из-за следов на расчищенном снегу. Филипп отвечал так весело, что Степан понял: по двору уже пошла окончательная новость.

Усов приехал к вечеру. Был он торжественно одет и так старательно скрывал нетерпение, что первым делом спросил о насосе. Степан дал ему прочитать заключение осмотра, потом велел сесть. Должник сел на самый краешек.

Бумаги закончили быстро. Усов передавал аппарат со всем привезённым в полное погашение долга. Степан возвращал расписку, которую прежде видел во сне чаще, чем хотел бы признаться. Теперь он развернул её, проверил сумму и подпись и протянул через стол. Усов взял лист обеими руками.

— Не рвите здесь, — сказал Лутов. — Ещё подумаю, что вам удовольствие.

Усов замер, потом понял, что это шутка, и засмеялся громче нужного. Сложил расписку, спрятал. Он не предложил чаю, обеда, праздника. Только долго стоял возле аэроплана перед уходом.

— Я ведь тоже сначала хотел... — начал он.

Степан ждал.

— Ладно. У вас выйдет.

Он ушёл, оставив на столе ещё одну, последнюю пачку счетов. В мастерской стало тихо. Степан перебрал бумаги, написал Ивашкевичу письмо с вопросами о посадке и сложил его в конверт. Потом пересчитал остаток денег на станок. Получалось, что дерево, полотно и мотор, за которые он теперь отвечал, обошлись ему намного дороже шести сотен восьмидесяти рублей, хотя ещё ни одной новой детали он не купил.

Он убрал коробку. Подошёл к раме, примерил к треснувшему месту заготовку, которую Гинзбург оставил после осмотра. Хорошее светлое дерево. Пока просто брусок, слишком длинный, с неровным концом.

Степан взял карандаш и отметил на нём первое место реза.

Глава 3. Женщина с афишей

Елизавета Ранцева догнала тележку у самых ворот типографии. На досках лежала стопа свежих афиш, придавленная кирпичом, а мальчишка, которому поручили отвезти их расклейщику, уже взялся за оглобли.

— Подожди!

Он обернулся, увидел её и сразу выпустил тележку. Задняя доска ударилась о землю. Кирпич пополз, Елизавета подхватила его обеими руками и поставила на снег. Потом сдёрнула верхнюю афишу.

Всё было прекрасно. Красная кайма, чёрная крупная строка, внизу — объяснение, где продаются билеты. Только вечер, назначенный на пятнадцатое марта, должен был, согласно афише, состояться пятого.

Пятое было вчера.

Елизавета вбежала обратно. Мастер ещё стоял у стола, склонившись над чужим заказом. Она положила перед ним лист, ткнула пальцем в число. Он внимательно посмотрел, затем так же внимательно — на неё.

— С вашего оригинала набирали.

Она достала из сумочки свёрнутый лист, разгладила возле печатного. Единица стояла на месте, тоненькая, наклонённая. Мастер провёл по ней ногтем, словно надеялся соскрести.

— Исправим, — сказал он наконец.

— Сегодня.

— Елизавета Матвеевна, у нас работа.

— Я вижу. Моя тоже здесь.

Он покряхтел, позвал наборщика. Тот явился с полоской бумаги в пальцах и стал объяснять, что виновата спешка. Елизавета предложила оставить спешку без обеда, раз уж она кругом виновата, а людей пока занять новым тиражом. Мастер усмехнулся. Спор кончился быстрее, чем она ожидала.

У ворот мальчишка всё ещё держался за тележку. Спросил, можно ли идти. Елизавета сказала — можно, только без афиш. Он обрадовался так, будто она подарила ему свободный год.

Один испорченный лист Елизавета забрала. Дома изнанка пригодится для выкройки. В свои двадцать девять лет она уже привыкла, что большая часть красивой печатной бумаги живёт дольше самого праздника и гораздо полезнее после него. Но к работе всё ещё относилась с возбуждением, которое считала своим главным профессиональным недостатком. Даже чужой вечер ей хотелось устроить так, чтобы потом на улице спрашивали, когда следующий.

Хозяин конторы любил это качество, когда оно приносило выручку, и порицал, когда требовало расходов. Сегодня он поручил ей ещё два дела: проверить продажу билетов и забрать у механика исправленный проекционный фонарь. Фонарь контора давала устроителям внаём; у него расшаталась подставка, а выдвижная часть заедала. Лектор грозился показывать изображения прямо на скатерти, если к назначенному дню ничего не починят.

Елизавета оставила афишу под мышкой и отправилась к Лутову.

Прежде она бывала у него только раз, осенью, когда привозили тот же фонарь с разбитой оправой. Помнила крупного человека с коротко подстриженными волосами, его внимательные руки и манеру отвечать так, будто вопрос задан машине и требуется лишь перевести ответ на человеческий язык. Оправу он сделал хорошую. За остальным она тогда не наблюдала.

Теперь у дверей мастерской стояла детская толпа. Дворник разгонял её щёткой, но дети расходились ровно настолько, чтобы не попасть под щетину, и снова сходились. Один мальчик подпрыгивал, стараясь заглянуть в окно поверх внутренней занавески.

— Что случилось? — спросила Елизавета.

— Летун завёлся, — ответил дворник.

Он сказал это с таким отвращением, словно речь шла о насекомом. Елизавета улыбнулась, обошла детей и постучала.

Ей открыл помощник. Волосы у него стояли дыбом с одной стороны, на другой были приглажены ладонью. Он сразу спросил, не к аэроплану ли она.

— К фонарю.

— А.

Его разочарование оказалось почти обидным. Елизавета вошла вслед за ним и замерла.

Крыло стояло у стены, раздетое до дерева. На столе лежали длинные тонкие части, каждую метили карандашом. Дальше, на подпорках, вытянулась рама, а возле неё, пригнув голову, работал Лутов. Елизавета видела аэропланы на фотографиях и однажды издали, над полем. Тот, летящий, казался законченным существом. Здесь всё было раздельно, беззащитно и неожиданно домашне: дерево напоминало каркас абажура, белое полотно — бельё, приготовленное к раскрою.

— Осторожно, — сказал Лутов, прежде чем поздоровался.

Её афиша коснулась натянутой проволоки. Елизавета отняла бумагу, свернула плотнее.

— Я за фонарём. Готов?

— Готов. Филипп, со шкафа подай.

Помощник полез за футляром. Лутов вытер руки, подошёл к столу и показал сделанное. Выдвижная часть теперь двигалась ровно; подставка держалась крепко. Елизавета попросила повторить, сама попробовала. Всё было хорошо. Она заплатила, получила расписку, но футляр не взяла.

— Это настоящий?

Лутов оглянулся на аэроплан.

— Был.

— А будет?

— Для того и делаем.

Она пошла вдоль стола, не касаясь вещей. Внутри уже складывалось то знакомое беспокойное ощущение, с которого начинались её лучшие и худшие затеи. Тут были деньги, но не только деньги. Столько людей сейчас говорили о полётах — её хозяин даже подумывал устроить вечер с рассказчиком, который никогда не поднимался в воздух, зато привёз хорошие снимки. А здесь лежала машина. Её можно было обойти, увидеть вблизи, услышать.

— Чей?

— Мой.

Елизавета посмотрела на него. Он произнёс это буднично, точно назвал велосипед. На манжете рубашки темнела полоска, под ногтем большого пальца осталась грязь. Ворот был расстёгнут; на гвозде у печи висел синий шарф.

— Вы летаете?

— Пока нет.

— Кто будет?

— Ищем.

Ответы становились всё короче. Лутов явно ждал, когда она возьмёт фонарь и освободит стол. Елизавета прекрасно умела узнавать такое нетерпение у заказчиков, но уходила не всегда.

— Если собираетесь устраивать показы, вам понадобится человек, который умеет собирать публику.

— Во дворе и без человека собирается.

— Эти бесплатно.

Филипп, закрывавший футляр, хмыкнул. Лутов посмотрел на него, и тот быстро защёлкнул замок.

— Я работаю с объявлениями, билетами, организаторами вечеров, — сказала Елизавета. — У меня есть знакомые в типографиях. И у меня есть время после конторы, если дело стоящее.

— Сначала ему взлететь надо.

— Разумеется.

Лутов снова повернулся к раме. Она заметила, что на этом слове разговор для него закончился. Елизавета взяла футляр. Он оказался тяжелее, чем хотелось; в прошлый раз фонарь привозил посыльный. Филипп тотчас шагнул помочь, но она поблагодарила и отказалась. До извозчика донесёт.

У дверей остановилась.

— Вы на поле договорились?

— Ещё нет.

— А помещение возле поля?

Лутов молчал. Елизавета кивнула ему на прощание и вышла. Детей дворник наконец разогнал; у окна остались два круглых пятна, протёртых на запотевшем стекле.

Она донесла фонарь до улицы, поставила на ступеньку закрытой лавки и только тогда позволила себе перестать улыбаться. Механик не обязан был обрадоваться её предложению. Наоборот, разумный человек и должен сперва спросить, что она умеет, сколько хочет, почему пришла сама. Но он не спросил ничего. В его представлении всё происходило потом: после ремонта, после удачного подъёма, после того, как удивительный предмет перестанет быть его личной работой и выйдет к чужим людям.

Елизавета посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Афиша под мышкой распрямилась, угол торчал за плечом. Она поправила шляпу свободной рукой, подозвала извозчика и назвала адрес конторы.

По дороге решила, к кому сходить завтра.

Через четыре дня Елизавета снова появилась в мастерской. На этот раз без фонаря и с маленькой записной книжкой.

Степан узнал её сразу, хотя успел забыть фамилию. В тот первый приход он почти не слушал: искал причину перекоса, обнаруженного при примерке новой детали, и хотел остаться с ним один. Теперь работа пошла, Юдин забрал свою часть, мотор ждал новой прокладки. Филипп подметал пол короткими толчками, обходя подпорки.

— Ранцева, — напонила женщина. — Елизавета Матвеевна.

— Степан Кириллович.

— Знаю. Фонарь прекрасен. На пробе лектор остался недоволен изображениями, значит, остальное его устроило.

Она сняла перчатки, положила на край стола и раскрыла книжку. Степан невольно приготовился к предложению билетов.

— У Комендантского поля можно узнать насчёт места в ангаре. Не обещаю, что получится: свободного мало. Мне дали имя человека, который там распоряжается помещениями. Вот часы, когда его обычно застают. И ещё два адреса — к авиаторам. Один сейчас в Петербурге, второй вернётся через неделю.

Она пододвинула листок.

— Откуда?

— Спросила у организатора прошлогоднего вечера. Он познакомил с другим человеком. Потом пришлось объяснить, что я не ищу лётчика для выступления в зале.

Её спокойствие показалось Степану нарочитым. Может быть, она всё же ждала благодарности и не хотела показать. Он взял листок, прочёл два имени. Второе — Леонид Алексеевич Травин — было ему знакомо. Ивашкевич наконец ответил на письмо; среди прочего советовал обратиться к Травину, если тому не надоело связываться с чужими старыми машинами.

— Сколько я вам должен?

Елизавета убрала книжку.

— Пока ничего. Это знакомство, Степан Кириллович.

Он глянул на свои руки и понял, что они опять грязные. Под столом лежала тряпка; Степан вытер пальцы, потом пожал протянутую руку. Она была маленькая, прохладная, с крепким нажимом. Женщина отпустила первой.

— Если из этого получится дело, об условиях поговорим прежде, чем я начну тратить на него дни. А сейчас мне интересно посмотреть, как вы его делаете.

— Смотрите.

— Можно ближе?

Степан отодвинул с прохода пустой ящик и провёл её к раме. Елизавета наклонилась над новыми частями, спросила, почему одна светлее другой. Он объяснил. Потом она показала на расчалку, которая уходила к хвосту.

— А это держит?

— Держит.

— Вы так отвечаете, будто я сама должна знать что.

Он поднял глаза. Елизавета улыбалась, но вопроса не снимала. Степан впервые улыбнулся ей в ответ и начал снова, на этот раз с целого аппарата. Показывал, где будет крыло, как оно связано с рамой, где сидит человек. Она слушала внимательно. Филипп с метлой подошёл ближе и тоже слушал, хотя большую часть слышал не раз.

— Здесь ручка? — спросила она.

— Здесь.

— Как у автомобиля?

— Не совсем. Вот этот обод сверху может обмануть. Его не надо вертеть. Двигают саму ручку.

Он показал, не присоединяя ещё свободных тяг. Елизавета проследила взглядом движение, потом посмотрела на педальную перекладину.

— А ноги тоже заняты?

— Тоже.

— Значит, во время полёта ему некогда кланяться.

Филипп прыснул. Степан хотел ответить серьёзно, но уже не смог.

— Не советовал бы.

Она обошла сиденье с другой стороны и вдруг спросила:

— Вам самому не хочется?

Лутов опустил руку. За окном по стеклу постучали. Филипп грозно поднял метлу, и внизу мелькнула детская шапка. В мастерской снова стало тихо.

— Сперва пусть человек умеющий попробует, — сказал Степан.

— Я не о том, кто сперва.

Елизавета стояла вполоборота, коснувшись пальцами края своего пальто. На лацкане у неё была булавка с зелёным камнем. Совсем маленькая. Степан почему-то разглядел её с необыкновенной ясностью.

— Хочется, — ответил он.

Она кивнула. Без изумления, без смеха. Словно ждала именно этого и теперь могла думать дальше.

Он предложил чаю. Елизавета посмотрела на часы и вздохнула.

— Если недолго. Я обещала вернуться.

Филипп тотчас отставил метлу и схватил чайник. Степан велел ему сперва вымыть руки. Помощник посмотрел на собственные ладони с обидой: ровно такие же были и у хозяина, когда тот знакомился с гостьей.

За чаем Елизавета рассказала про испорченную дату на афише. Степан спросил, отчего нельзя было просто напечатать новую цифру поверх старой. Она ответила, что тогда зритель решит: и всё представление столь же надёжно. Он хотел возразить, что исправленная деталь часто крепче прежней, но взглянул на разобранное крыло и удержался.

— А вы это везде делаете? — спросил он. — Вечера, объявления?

— Где поручат. Чужая контора, чужие заказчики. Иногда получается хорошо.

— А что ж своё не откроете?

Она посмотрела на него поверх чашки.

— Может быть, потому и пришла второй раз.

Степан почувствовал себя так, словно пропустил в механизме самое большое колесо.

Когда Елизавета ушла, он ещё некоторое время стоял у двери. Потом вернулся к столу и перечитал письмо Ивашкевича. Бывший пилот писал, что на посадке слишком поздно отказался от выбранного захода. Зрителей подпустили близко; он пытался довести аппарат до удобного места перед ними. Усов не заставлял его руками, признавал Ивашкевич, но шум и обещания сбивали больше, чем следовало. Сам он теперь предпочитал работать там, где между ним и публикой есть человек с крепкими нервами.

Лутов положил рядом листок Ранцевой. Получилось, что за несколько дней незнакомая женщина нашла двух нужных людей и поставила вопрос, который он старательно обходил. От этого ремонт не стал легче. Зато у него впервые появилась дальняя цель, которую нельзя было померить линейкой.

Он написал Травину короткую записку и попросил зайти после возвращения в Петербург.

Глава 4. Человек для одного места

Травин пришёл в мастерскую без шапки. Он держал её в руке, потому что по дороге стало жарко, и с порога спросил, нельзя ли поставить где-нибудь калоши.

Степан указал на угол.

— Там сухо.

— Сейчас исправлю.

Авиатор снял калоши, аккуратно поставил вместе и повесил пальто. Был он моложе, чем Степан представлял по письму Ивашкевича: лет тридцати, светловолосый, узкий в бёдрах, с длинными руками. Правая щека была слегка обветрена, на левой возле уха виднелся белый шрам. Он не производил впечатления человека, которого следует немедленно окружить уважением. Филипп даже продолжал стучать молотком, пока гость не обернулся на звук.

— Он Ив́ашкевич или Ивашкёвич? — спросил Степан, пожимая руку. — Я всё по письмам.

— Гавриил. Так надёжнее. А вы — Степан Кириллович?

— Да.

— Он написал, у вас хорошие руки. Показывайте, что ими сделали.

Травин сразу подошёл к аппарату. Новая рама была уже собрана; Гинзбург дважды приезжал, прежде чем разрешил двигаться дальше. Теперь возле дерева висели бумажные бирки с пометками, и под крылом лежал свёрток приготовленного полотна. Степан стал объяснять повреждения. Авиатор слушал, присев на корточки, водил взглядом вдоль связей, задавал короткие вопросы. К некоторым возвращался спустя несколько минут, как будто забывал ответ. Лутов сперва раздражался, потом заметил: всякий раз Травин смотрит уже на другое место.

— Сиденье оставили прежнее?

— Оно целое.

— Вижу. Мне можно?

Степан проверил подпорки, помог подвинуть устойчивую подставку для ноги. Травин забрался в аэроплан легко, без представления. Уселся, вытянул ноги, положил руки перед собой. Потом попросил подвинуть всё, что может помешать выйти.

Филипп оттащил ящик.

— Удобно? — спросил он.

— Удобнее, чем под ним.

Травин немного сдвинулся, проверил, не цепляется ли одежда. Степан смотрел на него и впервые по-настоящему понимал размер машины. До этого у неё были длина, ширина, отдельные части. Теперь в ней оказался человек, и от его колен до края сиденья осталось совсем мало места.

— Плотно, — сказал Лутов.

— Вашему столяру просторнее. Он передумал — от верстака отошёл.

Травин взял ручку. Степан предупредил, что часть управления ещё не соединена. Авиатор кивнул; он уже заметил. Его взгляд остановился на новом металлическом уголке возле сиденья.

— Это вы поставили?

— Усилил.

— А прежний где?

Степан достал старую деталь. Гость приложил её к новой, затем вернул Лутову.

— Покажите Семёну Осиповичу прежде, чем оставлять.

— Я ему покажу. Тут нагрузки больше держит.

— Здесь. А рядом?

Лутов нахмурился. Он считал замену удачной и успел несколько раз объяснить Филиппу, почему. Травин не стал спорить. Выбрался из сиденья, поставил подставку на место и спросил про винт.

Винта ещё не было. Заказ приняли, обещанный срок пока не вышел. Мотор, неподвижный трёхцилиндровый «Анзани», стоял на отдельном верстаке. Степан назвал его мощность — двадцать пять лошадиных сил — и рассказал, что уже проверено. Травин выслушал, наклонился, понюхал тряпку у картера и поморщился.

— Эту уберите подальше от печи.

Филипп сразу взял тряпку. Степан удержался от замечания: сам велел её туда положить и забыл.

— Летать на нём можно? — спросил он.

— Когда закончим, скажу.

— Я о системе.

— Можно. При подходящем воздухе. И не всё, что вы захотите показать публике.

Травин повернулся к Лутову всем корпусом. Впервые в его голосе появилась твёрдость, которая не нуждалась в громкости.

— Что именно вы задумали?

Степан рассказал. Испытать, потом показывать за плату, если выйдет. Вернуть вложенное. Может быть, поехать куда-нибудь, где ещё не видели настоящего полёта. По мере рассказа замысел становился обширнее, чем был до прихода гостя. Филипп слушал, забыв про тряпку у двери.

— А если не полечу в назначенный час? — спросил Травин.

— Почему?

— Ветер не понравится.

— Если ветер опасный, конечно.

— А вам покажется, что хороший.

Степан хотел ответить, что не дурак и с ветром спорить не собирается. Но Травин смотрел на него без всякой враждебности, даже с любопытством, и привычная резкость вдруг показалась неуместной.

— Тогда объясните.

— До полёта объясню. Перед самым подъёмом могу не захотеть разговаривать. Мне надо другое делать.

Степан только сейчас заметил, насколько тихо стало без работы. Филипп давно отложил молоток и стоял у двери с тряпкой в руке. Снаружи капала вода с крыши. Лутов повернулся к окну, затем обратно.

— Вы решаете, подниматься или нет, — сказал он. — Это разумно.

Травин кивнул, как будто они наконец нашли первую годную деталь будущего соглашения.

Денежные условия он назвал спокойно и без оглядки на обстановку. Отдельно — участие в подготовке и испытании, отдельно — каждый публичный полёт. Если показы станут постоянными, договорятся на месяц. Степан сел к столу. Сумма оказалась выше, чем он сам назначал себе за несколько недель работы.

— А если после вашего осмотра придётся всё переделать?

— Если по моей прихоти, не платите. Если нашли беду, платите за то, что нашли.

Степан взглянул на уголок возле сиденья. Травин заметил этот взгляд и добавил:

— Я не сказал, что он плох. Я сказал — спросите.

В этом было что-то раздражающе знакомое. Так Лутов разговаривал с хозяевами моторов, когда те уже успели придумать удобную причину неисправности. Он взял карандаш, перечеркнул свою прежнюю прикидку.

— Давайте до первого испытания. Дальше посмотрим оба.

Травин улыбнулся.

— Вот и хорошо. А теперь чай у вас есть? Или всё ушло на французскую технику?

К Комендантскому полю они поехали втроём: Степан, Травин и Елизавета. Для поездки она наняла четырёхместный экипаж. Март перевалил за середину; снег лежал грязными буграми, на дороге вода ещё держалась тонким утренним льдом. Извозчик бранился вполголоса и время от времени оглядывался на пассажиров, проверяя, понимают ли они тяжесть его труда.

Елизавета сидела рядом со Степаном. Рядом — не означало близко: она умудрилась оставить между ними место для своей сумочки и свёртка с бумагами. Травин напротив рассказывал о гостинице, где ему отвели номер прямо над кухней. Хозяин уверял, что там всегда тепло, и это оказалось единственным безусловно исполненным обещанием: всю ночь пахло варёной капустой.

— Лучше, чем холодная капуста, — сказал Степан.

— Вы не ночевали в обеих, Степан Кириллович. Нельзя сравнивать.

Елизавета рассмеялась. Потом ветер повернул, и она спрятала подбородок в воротник. Травин перестал шутить. Оглядел низкие облака, деревья у дороги, снова облака. Степан заметил эту перемену и сам посмотрел вверх, но увидел только серое.

Поле оказалось огромным и совершенно не похожим на место, где можно заработать деньги. Мокрая земля, редкие люди, длинные строения. Возле одного ангара рабочие складывали доски. Дальше тянули обтянутый светлым полотном аппарат, и от этого медленного движения среди пустоты у Степана чуть ускорился шаг.

— К нему? — спросил он.

— Сперва к вашему человеку, — ответила Елизавета. — Мы обещали до полудня.

Она повела их вдоль строений. Лутов оглянулся на аэроплан. Травин тоже смотрел туда, но шёл следом без возражений.

Человек, которого искали, оказался занят. В маленькой комнате, перегретой жестяной печкой, ещё два посетителя ждали, стоя у стены. На столе лежали счёты и груда ключей; один ключ, привязанный длинной бечёвкой, всё время падал с края. Елизавета дважды поднимала его, на третий раз просто положила дальше. Хозяин комнаты, седой мужчина с тяжёлыми веками, заметил это и наконец спросил, по какому она делу.

Елизавета представила спутников, сослалась на знакомого и коротко объяснила, что им нужно. Степан приготовился говорить о ремонте, но седой человек потребовал прежде размеры. Лутов достал записи. Потом выяснилось, что место есть только в общем ангаре, вместе с чужим аппаратом, и за пустые дни платят так же, как за лётные. Доступ на поле следовало отдельно согласовать с распорядителем; сегодняшняя беседа не давала им права выкатывать машину, где захочется.

Травин впервые вмешался, когда речь зашла о воротах. Спросил, сколько места перед ними и не перекрывают ли выезд телегами. Седой человек возмутился, потом всё-таки послал работника показать.

В ангаре пахло сырой древесиной и маслом. Под крышей дрожал от сквозняка длинный обрывок бечёвки. Одна половина была занята закрытой брезентом машиной; на второй лежали ящики, пустая бочка и связка шестов.

— Освободим, — сказал работник.

Степан прошёл до задней стенки. Помещение было несравнимо просторнее мастерской. Здесь можно поставить аэроплан с крыльями, обойти, выкатить прямо на землю. Он мысленно убрал ящики, передвинул верстак, повесил лампу. Потом заметил тёмную полосу на полу у стены.

— Крыша течёт?

— Намело. Теперь тает.

Травин присел, потрогал землю, поднял взгляд к стыку досок. Степан ждал насмешки. Авиатор только сказал:

— Здесь держать подальше от стены. И поговорим насчёт крыши.

Елизавета уже отмечала что-то в книжке. Степан спросил, поместятся ли крылья в воротах. Травин посмотрел на него, потом на раскрытые створки.

— Поместятся. Вы опять свою мастерскую видите.

Лутов улыбнулся: именно её и видел, тесный проём, снятое колесо, Юдина с его советом убрать стену. Здесь машина впервые представлялась ему целой. Он ощутил такую радость, что готов был согласиться сразу, не дожидаясь ни ремонта крыши, ни освобождения места.

Елизавета коснулась его рукава.

— Сначала узнаем окончательную плату. С хранением вещей, доступом и тем, о чём ещё не сказали.

Он кивнул. Возле её башмака расплзлось мокрое пятно. Степан хотел предложить ей отойти, но она уже сама заметила и переступила на сухую доску.

Обратно к конторке они шли медленнее. На поле как раз готовили моторную пробу. Двое рабочих стояли возле аппарата, третий давал знак человеку у двигателя. Травин остановился и приветственно поднял руку. Ему ответили.

Винт сперва дёрнулся, потом слился в полупрозрачный круг. Звук ударил по полю, мгновенно заполнив его от края до края. Елизавета вздрогнула. Степан почувствовал низкий гул в груди, хотя стоял далеко. Рабочие удерживали машину; полотно на крыльях оживо. Мотор работал неровно, затем голос его выровнялся и сделался таким полным, что в грудной клетке будто появилось дополнительное пространство.

Лутов шагнул вперёд. Травин положил ладонь ему на плечо, удержал без усилия. Степан остался на месте. Аэроплан никуда не летел. Просто стоял, связанный с землёй чужими руками и тяжестью, но именно сейчас стал похож на то, что Степан всё это время пытался представить.

Мотор выключили. Наступившая тишина была не настоящей: в ушах ещё звенело.

— Ваш? — спросил Степан у Травина.

— Нет. Здесь у меня своего ничего.

К ним подошёл мужчина в кожаном пальто, широко расставляя ноги, чтобы не попасть в лужи. У него было плотное красноватое лицо, маленькие усы и светлые глаза, сразу остановившиеся на Елизавете. Он поклонился ей, потом крепко пожал руку Травину.

— Леонид Алексеевич, вы вернулись! И даже не сказали.

— Сегодня исправляюсь. Борис Петрович Кулишов. Степан Кириллович Лутов. Елизавета Матвеевна Ранцева.

Кулишов повторил её имя, как будто хотел запомнить прежде всего его. Потом спросил Травина о поездке, о человеке, которого Степан не знал, о заказанной машине. Разговор шёл легко, но Лутов слышал в нём множество закрытых дверей: имена, места, события, с которыми для него ничего не соединялось.

— А Степан Кириллович восстанавливает «Блерио», — сказал наконец Травин.

Кулишов живо обернулся.

— С каким мотором?

— Двадцать пять. Веерный «Анзани», — ответил Лутов.

— Усовский?

Степан замешкался на долю секунды.

— Теперь мой.

— Понимаю. Я его видел. Ещё до приключения.

Кулишов не усмехнулся, но слово уже было сказано. Лутов ощутил, как в нём поднимается ненужная готовность защищать вещь, которой собеседник ещё даже не видел после ремонта.

— Полетит, — сказал он.

— Почему нет? Такие летают. Только время быстро идёт. Я вот жду другой аппарат, с «Гномом». Пятьдесят сил. Хочется наконец не считать каждый порыв за личное оскорбление.

Травин засмеялся. Кулишов предложил всем зайти к нему посмотреть принадлежности, привезённые из Франции. Елизавета поблагодарила и сказала, что их ждут. Степан был рад отказаться, но Травин обещал заглянуть позже.

— Вы на нём сами? — спросил Лутов Кулишова.

— На новом — нет. Мне нравится, когда всё идёт хорошо. А для этого полезно знать, где кончаются собственные способности.

Он произнёс это без смущения. Степан не сразу нашёл ответ. Елизавета уже прощалась, и Кулишов склонился над её рукой, не касаясь губами перчатки.

У конторки Травин задержался.

— Я останусь, — сказал он. — Тут ещё с одним человеком поговорю. Вы вдвоём доедете?

Елизавета кивнула. Степан подумал о пятидесяти силах и почему-то не захотел спрашивать, с кем именно авиатор собирается говорить.

Договорённость о месте заняла ещё час. Елизавета написала адрес для ответа, Степан внёс первую плату и получил ключ, такой большой, что он не помещался в жилетный карман. Ящики обещали убрать к началу апреля; крышей займутся, когда просохнет. До перевозки аппарата следовало ещё раз приехать и проверить, что обещания исполнены.

На дороге Елизавета долго не могла поймать извозчика. Степан предложил пройти. Она согласилась с такой готовностью, что он наконец посмотрел на её обувь. Носки башмаков были мокрые.

— Замёрзли?

— Немного. Сейчас дойдём до людей.

Он предложил руку. Она оперлась, выбирая места между лужами, и почти сразу оступилась на рыхлом краю колеи. Степан удержал её. Бумажный свёрток выскользнул из-под локтя и упал в грязь.

— Ах ты... — начала Елизавета и не договорила.

Лутов поднял свёрток за сухой угол. Верхний лист пропал безнадежно. Под ним, к счастью, бумаги остались чистыми.

— Дайте, — сказала она.

— Измажетесь.

— Я уже. Давайте вместе.

Они развернули лист, сложили грязной стороной внутрь и переложили записи в сумочку. Степан держал её раскрытой. Внутри лежали кошелек, карандаш, расчёска, маленькая коробочка и одна засохшая веточка, перевязанная ниткой. Он поспешно отвёл глаза, чувствуя себя застигнутым за подглядыванием.

Елизавета заметила.

— Это от племянницы. Она собирает всё, что считает красивым. Камни я уже перестала носить.

— Тяжело?

— Один был размером с кулак. Пришлось объяснить, что мне довольно её любви без доказательства.

Она улыбнулась и снова взяла его под руку. Дальше шли молча. Из-под снега выступала чёрная прошлогодняя трава, вода блестела в колеях. Степан всё ещё слышал недавний мотор и ощущал в кармане неудобный ключ.

— Вам Кулишов не понравился, — сказала Елизавета.

— Почему?

— Вы очень старательно говорили с его пальто.

Лутов усмехнулся.

— Хорошее пальто.

— Превосходное. Но внутри всё-таки человек.

— Он нашу машину хоронит.

— Он сказал, что такие летают.

Степан промолчал. Они выбрались на более сухую дорогу; впереди показался свободный экипаж. Елизавета махнула рукой, но извозчик не заметил. Тогда Лутов свистнул так, что она от неожиданности отшатнулась, а человек на козлах натянул вожжи.

— Вот, — сказал Степан. — Иногда и без объявления выходит.

Елизавета смеялась, пока он помогал ей сесть. Потом подвинула сумочку, освободила ему место рядом. На этот раз положила её себе на колени.

Глава 5. Когда колёса не нужны

Новый винт привезли в длинном ящике. Филипп хотел вскрыть его ломиком и получил по руке от Степана раньше, чем успел поддеть крышку.

— Не торопись.

— Я осторожно.

— Ты быстро. Это другое.

Сам Лутов снимал упаковку так медленно, что Юдин, стоявший рядом, начал переступать с ноги на ногу. Винт лежал в стружке, завёрнутый отдельно. Когда его вынули, в мастерской стало непривычно тихо. Светлое лакированное дерево блестело ровными полосами. Юдин провёл пальцами рядом с поверхностью, не касаясь, как будто разглядывал чужую дорожную работу через стекло.

— Красота, — сказал он.

Филипп попросил подержать. Степан позволил — вдвоём с ним. Помощник поднял свою сторону, посмотрел вдоль лопасти и перестал улыбаться. Вещь была легче, чем ожидалось, а цена её — тяжелее всего, что он прежде носил руками.

— Теперь скоро? — спросил он.

— Теперь перевозить.

Уголок, который не понравился Травину, уже лежал среди снятых деталей. Гинзбург велел вернуть соединению прежнюю податливость и подобрать замену по исходной форме. Объяснил на двух скреплённых дощечках: чрезмерно жёсткая часть могла заставить соседнюю принять удар там, где его прежде распределяли иначе. Степан спорил минут десять, потом переделал. Филипп видел и спор, и работу. Извиняться перед ним за прежнее объяснение хозяину почему-то было труднее, чем перед Гинзбургом, но вечером он всё-таки сказал, что с усилением поторопился.

— А я запомнил, — ответил помощник.

— Значит, теперь другое запомни.

Филипп принёс свою тетрадь и поправил рисунок. Степан заметил, что у крыла на странице стоят два вопросительных знака. Спросил о них. Оказалось, помощник пытался понять, отчего меняется положение краёв, если отдельного руля там нет. Лутов показал на ещё не обтянутом участке. Филипп слушал с таким напряжением, что Степан впервые подумал: мальчишке мало носить и подавать. С ним скоро придётся говорить о настоящем месте в работе.

В начале апреля ангар освободили. Степан съездил туда один, дождался дождя и убедился, что после ремонта крыши вода не попадает на их половину. Распорядителю поля представили Травина, условились о времени проб и о людях, которые помогут при первых выездах. Только после этого наняли подводы.

Машина покидала двор почти так же, как появилась: с разобранными крыльями, отдельно укрытым мотором, длинными вещами, которые приходилось поворачивать перед воротами. Но теперь каждый знал, что берёт. На верёвки подложили мягкую ткань. Юдин несколько раз обходил свою работу, проверяя, не давит ли на неё крепление. Степан заплатил ему остаток и пожал руку; столяр спрятал деньги, не пересчитывая, но никуда не ушёл.

У ворот стояли Александр, Алексей и Митя. Сестра привела мальчика после обеда, когда самые тяжёлые вещи уже были уложены. Митя молчал. Степан подумал, что он испугался, но мальчик уже перебежал к другой подводе и заглядывал под брезент, приподнятый ветром.

— Где сидят? — спросил он наконец.

Лутов показал. Мальчик нашёл взглядом узкое сиденье, потом посмотрел на отца.

— Один?

- Один, — сказал Степан. — Двоим там нельзя.
- Даже если маленький?
- Даже маленькому.

Митя поджал губы. Александра отвела глаза; видно, сама не решилась отнять у него всю надежду заранее. Степану хотелось обещать другой аппарат, когда-нибудь, огромное крыло, под которым поместятся все. Он только протянул племяннику свёрнутый ремень и попросил отнести Филиппу. Митя взял его обеими руками и пошёл так серьёзно, что помощник тоже перестал смеяться и принял ремень по всем правилам взрослой работы.

Елизавета прибежала перед самым выездом. Была она без привычной сумочки, с пакетом еды и узелком в чистом полотенце. Объяснила, что с утра не смогла освободиться, зато до вечера её не ждут.

Александра посмотрела на неё, затем на брата. Степан стал представлять, перепутал имена и назвал сестру Елизаветой Кирилловной. Обе женщины засмеялись. Алексей кашлянул в кулак; Митя спросил, кто теперь будет его тётей.

— Эта и останется, — сказал Степан, указывая на Александру, и понял по новому взрыву смеха, что сделал только хуже.

Он ушёл проверять крепления. За его спиной женщины уже разговаривали. Елизавета объясняла, что они пока ничего не показывают публике, только собирают аппарат на поле. Степан слышал спокойный деловой голос и был благодарен ей за слово «пока».

Силин открыл ворота настежь. Когда последняя подвода прошла, он долго смотрел на пустой проём, потом оглянулся на мастерскую.

- Теперь хоть люди работать смогут.
- Мы и работали, — сказал Филипп.
- Вы мечтали громко.

Помощник хотел возразить, но Степан позвал его к первой телеге. Выезд закончили. Сзади Митя бежал вдоль тротуара, пока мать не окликнула. Тогда он остановился и поднял руку. Лутов поднял свою в ответ.

На поле сборка заняла несколько дней. Крыло, приготовленное в тесной мастерской, в широком ангаре вдруг оказалось длиннее и упрямее. Степан знал, что размеры не изменились, но всё равно каждый раз ожидал, что конец заденет стену. Травин помогал вместе с остальными. Он не считал, что его работа начинается лишь возле сиденья, и это примиряло Лутова с его высокой платой лучше любых разговоров.

Гинзбург приехал на окончательную проверку с помощником. Возились до темноты. Несколько соединений снова раскрыли, одну расчалку заменили, под сиденьем передвинули то, что могло задеть ногу. Степан по мере осмотра делался всё мрачнее. Каждое исправление было маленьким доказательством, что недели труда ещё не превратились в готовую вещь.

Когда гости собирались уходить, Семён Осипович задержался возле мотора.

- Хорошо сделали, — сказал он.
- Лутов не поверил, что речь к нему.
- Что?
- Работу. Вот это всё.
- Переделывали же сегодня.
- И что? Я вам без переделок счастья не обещал.

Он натянул перчатки, пожелал удачи на пробе. Степан проводил его до дороги и вернулся уже другим шагом. В ангаре Травин сидел на пустом ящике и ел принесённый Елизаветой пирог. Та сама резала оставшиеся куски, держа доску на коленях. Филипп рассказывал, как

Силин теперь показывает посетителям место, где стоял аэроплан, и никто не верит, что тот поместился.

— За деньги? — спросила Елизавета.

— Пока за уважение.

— Начало правильное.

Степан сел рядом с Травиным. Мотор пах маслом, новое полотно — своим резким составом, в воротах темнело поле. Впервые за много дней он ел, не составляя мысленно список следующей работы.

Утром ветер не позволил даже думать о подъёме. Машину вывели только для моторной пробы, закрепили; люди заняли места, о которых договорились заранее. Елизавета стояла в стороне, придерживая шляпу. Степан проверил последний раз то, что уже проверял, и отступил от винта.

Звук собственного двигателя оказался совсем не таким, как чужого в мартовский приезд. Тогда он слышал силу. Теперь слышал каждый лишний толчок. За ровным шумом всё время чудилось то, чего не мог назвать: стук, перебой, неприятное дрожание. Он подходил ближе сбоку, всматривался, затем отходил, чтобы увидеть машину целиком. Травин сидел за управлением, лицо у него было неподвижное.

Прервали пробу раньше, чем Степан хотел. Леонид подозвал его, показал место, где дрожание было слишком заметным. Лутов сказал, что на стоящей машине звук передаётся иначе. Травин предложил сперва разобраться, потом спорить о звуке.

Разобрались к вечеру. Причина оказалась в одной из новых деталей крепления, которой требовалась точная подгонка. Гинзбург, вызванный запиской, не приехал сам, но прислал помощника с нужным инструментом и велел повторить испытание после исправления. Степан работал с ним молча. Филипп приносил вещи, пока его не отправили за едой. Елизавета уехала ещё днём: она не могла бросить контору, сколько бы ни хотелось остаться.

Вторую пробу провели через день. На этот раз мотор работал ровно. Степан понял это не сразу: слишком ждал неприятности. Только когда Травин обернулся к нему и коротко поднял большой палец, смог отойти на несколько шагов и просто послушать.

После остановки Леонид долго осматривал машину. Потом сказал, что теперь ждут поля и воздуха.

— Ещё сколько? — спросил Филипп.

— Пока не дадут.

— Кто?

Травин показал вверх. Филипп посмотрел на низкое небо с выражением человека, которому назначили нового начальника и забыли назвать его приёмные часы.

Ожидание заняло девять дней.

За это время Степан успел дважды рассердиться на Травина, однажды — на Елизавету и много раз — на собственную предусмотрительность. Деньги за ангар уходили, в мастерской накапливались обычные заказы. Филипп оставался там всё чаще, работал без хозяина и приносил вечером не только заработанное, но и вопросы. На некоторые Степан отвечал слишком резко. Один раз помощник положил на стол деньги и молча ушёл, не дожидаясь привычного разбора дня. Лутов догнал его во дворе и вернул разговор к велосипеду, из-за которого всё началось. Говорить «не спеши» человеку, которому поручил сразу всю работу, оказалось нелепо. Наутро Степан сам остался у станка до обеда.

Елизавета не печатала афиш. Приходила по возможности, приносила новости и иногда просто сидела возле открытых ворот, пока они работали. Лутов замечал её усталость прежде,

чем узнавал о причинах. Как-то она уснула на несколько минут, прислонившись к стене, с раскрытой книжкой на коленях. Травин показал на неё Степану и приложил палец к губам. Они разговаривали тише, пока она не проснулась.

За день до первого подъёма аэроплан пробежал по полю. Травин управлял, Степан и Филипп смотрели с условленного места. Машина покачивалась на колёсах, шла непривычно быстро и при этом казалась тяжёлой. Степану даже стало легче: пока она касалась земли, между ним и аппаратом оставалась понятная связь.

Вернувшись, Травин рассказал, как ведёт себя шасси. Показал полосу, на которой ощутил неровность, вместе с Лутовым прошёл туда пешком. Трава местами скрывала подмёрзшие следы колёс. Выбирать разбег оказалось работой не менее настоящей, чем выверять раму. Степан возвращался в ангар, глядя под ноги внимательнее, чем прежде.

На следующее утро Леонид пришёл рано. Елизавету предупредили накануне; она уже ждала, стоя за воротами с небольшой корзинкой. Лутов, увидев её, почувствовал неожиданное раздражение: корзинка, завтрак, хорошее утро — всё это походило на приготовление к празднику, а он ещё ничего не знал наверняка.

Елизавета заметила его лицо.

— Я могу уехать, — сказала она тихо.

Он посмотрел на корзинку, потом на неё.

— Нет. Оставайтесь.

Она кивнула и больше не мешала. Степану сразу стало стыдно за собственный взгляд.

На поле было ещё мало людей. Двое знакомых рабочих помогли выкатить машину. Филипп шёл возле крыла, не сводя глаз с полотна. Травин стоял чуть поодаль, смотрел на ветер по лёгкой полоске материи и разговаривал с распорядителем. Потом подошёл, снял городскую шапку, надел кожаную. Очки пока оставил выше лба.

Степан хотел повторить всё, что знал о моторе. Остановился на первой фразе: Леонид уже слушал его с тем терпением, которое вчера проявлял к ненужным вопросам. Лутов замолчал и помог там, где действительно требовались руки.

Когда Травин сел, машина опять стала маленькой. Человек, только что ходивший рядом, оказался внутри дерева и полотна, и Степан больше не мог поправить ему ни воротник, ни ремень, не мешая приготовлению. Последнюю проверку закончили. Люди отошли.

Мотор заговорил. Филипп стоял рядом со Степаном, обе руки в карманах, плечи подняты. Елизавета — немного дальше, возле рабочего, которому отдала корзинку. Лутов видел её краем глаза. Она держала шляпу за поля, хотя ветер почти стих.

Аэроплан покати́лся.

Сначала произошло всё знакомое: толчки колёс, покачивание, полоса примятой травы. Травин не повернул голову. Аппарат удалялся, и Степан уже начал мысленно поправлять то, что видел: тут чуть ровнее, там ещё бы добавить ходу. Потом колёса перестали подсакивать.

Он не сразу понял почему.

Между ними и землёй появилась светлая щель. Совсем узкая, такая, через которую ещё можно было переступить. Потом щель выросла. Тень оторвалась от колёс, скользнула отдельно. Аэроплан поднялся, сохраняя ту нелепую открытость, которая в мастерской казалась временной. Ничего больше не добавилось. Ни стен, ни пола под ногами, ни последней, ещё не найденной Степаном опоры. Он летел таким, каким его сделали.

Филипп что-то сказал. Лутов не расслышал.

Машина ушла дальше, начала плавно менять направление. Степан увидел крыло иначе, под непривычным углом, и у него сжалось горло. Всё, что на земле можно было обойти и осмотреть, теперь двигалось далеко от рук. Леонид сидел в ней один. Лутов не различал лица, только тёмное пятно головы.

Моторный звук ослабел с расстоянием. Степан шагнул вперёд, остановился. На поле произошло едва ли что-нибудь необыкновенное для людей, давно здесь работавших: один из рабочих даже нагнулся поправить сапог. Лутов испытал к нему мгновенную неприязнь. Потом понял, что и сам, наверное, так же поправлял сапоги, пока кто-то впервые смотрел на им сделанную вещь.

Аэроплан разворачивался. Не резко, не красиво ради красоты; медленно, уступая воздуху то, чего Степан ещё не умел видеть. Солнце на мгновение просветило крыло насквозь, выделило внутри тёмные рёбра. Потом машина легла на обратный путь.

— Идёт, — сказала Елизавета.

Теперь она стояла рядом. Он не заметил, когда подошла.

Травин снижался. Звук изменился, сделался тише, затем опять чуть вырос. Лутов видел, как колёса приближаются к земле, и ждал удара. Первый контакт был коротким: машина словно попробовала поле и отняла ноги. Степан втянул воздух. Второе касание вышло ровнее. Колёса покатались, хвост опустился, аэроплан побежал, замедляясь.

Филипп сорвался было с места. Степан схватил его за рукав.

— Подожди.

Они дождались остановки мотора и знака. Только тогда пошли, сначала быстро, потом почти побежали. Елизавета шла следом, придерживая юбку над травой.

Леонид выбирался из сиденья. Он поднял очки на лоб; на лице остались светлые следы от их оправы. Протёр щеку краем и улыбнулся. Степан вдруг забыл все вопросы, которые собирался задать первыми.

— Ну?

— Летит.

— Я видел.

— Тогда чего спрашиваете?

Травин рассмеялся. Степан тоже. Смех шёл неровно, мешал дышать, и он с удивлением понял, что до сих пор удерживал воздух в груди, как будто от него зависело, сколько машина пробудет наверху.

Филипп трогал обод колеса. Потом обнял крыло обеими руками и получил окрик от всех троих сразу. Отскочил, покраснел и стал уверять, что не наваливался. Елизавета смеялась, прижимая ладонь ко рту.

Леонид отвёл Степана чуть в сторону.

— Теперь послушайте. На разгоне ещё немного тянет. И возле сиденья мне мешало. Покажу. В остальном... — Он оглянулся на аппарат. — Хорошая работа, Степан Кириллович.

Лутов кивнул. Слова Гинзбурга он принимал головой. Эти прошли куда-то глубже, и на мгновение ему захотелось отвернуться, чтобы Леонид не заметил.

— Сколько были? — спросил он.

— Немного. Первый раз хватит.

Человек с часами, стоявший у начала разбега, подошёл и назвал несколько минут. Степан услышал число, но тут же забыл. Ему казалось, прошло намного больше. Он спросил, можно ли повторить, и Травин ответил: после осмотра.

Они покатали машину к ангару. Елизавета шла рядом со Степаном, всё ещё неся в руке шляпу. Он предложил взять её, но женщина покачала головой.

— Я думала, вы сейчас сами обнимете крыло.

— Я бы с другой стороны. Там крепче.

Она рассмеялась, и Степан ещё раз посмотрел на колёса. Только что они были бесполезны. Эта простая мысль радовала его сильнее, чем будущая выручка, слава и даже то, что он сумел вернуть сломанной машине полёт.

Глава 6. Первый билет

На первой афише фамилия Травина оказалась длиннее самолёта.

Елизавета разложила пробу на столе в конторе и прижала углы чернильницей и ножом для бумаги. Рисунок был маленький: аэроплан летел над ровной чертой, обозначающей землю. Над ним крупно стояло имя авиатора, под ним — место, день и цена. Лутов, заглянувший к ней после обеда, несколько секунд смотрел только на изображение.

— Не тот аппарат.

— Знаю. Пока проба расположения.

— У этого два крыла одно над другим.

— Я вижу, Степан Кириллович.

Он перестал объяснять. Елизавета показала ему лист с правильным рисунком, который уже заказала отдельно. Механик наклонился ближе, проследил пальцем контур, не касаясь бумаги. От его манжеты пахло мылом. Перед приходом он вымыл руки особенно тщательно, и ей почему-то было приятно, что он счёл контору местом, для которого надо постараться.

— Вот так, — сказал он. — Только хвост потоньше.

В дверях появился её хозяин. У него была привычка останавливаться перед порогом, словно всякий раз решал, стоит ли входить в собственное помещение. Он посмотрел на Лутова, на афишу, затем на Елизавету.

— Это ваше новое занятие?

Она выпрямилась.

— Да. Пробу принесла с собой. К конторским расходам не относится.

— Я и не о расходах. У нас в это воскресенье работа.

— Я закончила свою часть. Вы согласились отпустить меня после субботы.

Хозяин медленно кивнул. Степан молчал, и Елизавета была благодарна ему за это. Ей не нужен был заступник перед человеком, с которым она умела разговаривать сама.

— Если удастся, можно устроить через нас целый ряд, — сказал хозяин. — У нас имя, связи. Я вам уже говорил.

— Я помню.

Он подождал ответа, потом спросил у Лутова, давно ли тот занимается воздухоплаванием. Степан сказал, что аппарат восстановили недавно. Хозяин ещё раз посмотрел на афишу, пожелал успеха с осторожностью человека, не желающего отвечать за своё пожелание, и удалился.

Елизавета убрала чернильницу.

— Не хочет отпускать? — спросил Степан.

— Покуда никуда не уйду. Два раза пообещала себе сначала посмотреть на деньги.

— Два?

— Первый раз не поверила.

Он улыбнулся. Елизавета свернула пробу, освободила стол. Им предстояло ещё решить, как платить ей за работу, и этот разговор она откладывала без всякого профессионального оправдания. Чужую цену называла легко. Свою — всё с большим трудом по мере того, как сам человек становился ей интереснее.

— Я хочу долю, — сказала она.

Степан не удивился.

— Сколько?

— Треть того, что останется после расходов показа. Печатание, поле, рабочие, плата Леониду Алексеевичу. Старый ремонт машины сюда не включать — иначе я его весь сезон буду оплачивать вместе с вами.

Она услышала, как последняя фраза стала суше, чем хотелось, и почти добавила объяснение. Степан уже кивал.

— Разумно. А если ничего не останется?

— Значит, этот раз я работала зря.

— Не зря. Просто без денег.

Елизавета подняла на него глаза. Он не шутил. От этого неожиданного различия между её трудом и возможной неудачей стало легче продолжать.

— Тогда без денег. Но следующий раз я вправе не устраивать.

— Конечно.

Они записали условия на одном листе. Отдельно перечислили, что уже заказано и во что обойдётся. Степан пересчитал, исправил две суммы и спросил, хватит ли денег на возврат, если ветер испортится уже после оплаты помощников. Елизавета отвела предварительным сборам отдельное место в расчёте: до полёта их не трогают. На первый день Лутову придётся выделить деньги вперёд. Он кивнул и пометил сумму.

Травин после испытания сделал ещё два пробных подъёма. Прежде Лутов и помощник Гинзбурга проверили увод на разгоне; оказалось, колесо после нагрузки требовало дополнительной выверки. Помехой возле сиденья был слишком длинный свободный конец ремешка, цеплявшийся за крагу. Его убрали. Леонид остался доволен, и с ним заключили соглашение на публичные выступления. Пока — до конца мая. Лётчик получил свою цену и право отказаться от подъёма по состоянию машины либо погоде. Степан сам настоял, чтобы Ранцева прочла это до заказа афиш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.